

В ШАНХАЙСКОМ театре «Хуан-пу» очень тихо. Несмотря на всю непривычную для нас условность представления, оно воспринимается зрителями так, будто сами они стали его героями. Только что закончил громоподобный монолог злодей — его выдает белое пятно на физиономии и свирепая гримаса. Только что ускакала стража, которой для этого понадобилось лишь помахать палочками с бахромой, изображавшими лихих рысаков. Только что честный, но трусоватый чиновник прозрачно намекал, что ему страшно — он быстро-быстро подвигал ладонями из стороны в сторону. И только что на сцену вышла героиня, густо наруганная, малиново-прекрасная, как того требует традиция китайской оперы.

Кто-то кашлянул. Где-то слышался глубокий вздох. И героиня задела.

Есть много способов поразить воображение оперной публики. Могучее сопрано Брунгильды рождает демонические образы. Лукавая трель Розины настраивает на игривую веселость. Актриса, поющая на подмостках театра «Хуан-пу», не стремилась ни к тому, ни к другому. Ее ария просто, даже безыскусственно и на наш слух несколько тягуче рассказывала историю одной жизни. Но если невица выражала гнев, то он зажигал зрителей. А если в ее интонациях звучала тоска, то кое-где слышались всхлипывания. Глубина чувств сделала ненужным блеск вокальной техники. Украшательство оказалось неуместным в суровой трагедии.

Ария пунцовой красавицы не оставляла никаких неясностей относительно смысла происходящего. Она обличала жестокого правителя, старалась вдохнуть мужество в слабых духом и оплакивала судьбу девушки, попавшей в лапы произвола. Вслед за этим наступила развязка. Феодал разгневан, стражники бесчинствуют, а из-за кулис выбегает палач с короткой кривой саблей. Добро поправно, зло торжествует, занавес опускается.

И тогда по театру проносится гром рукоплесканий. Зрители вскакивают с мест, почтенные старики превращаются в экспансивных юношей и кидаются к сцене, а в восторженных криках все чаще слышится одно имя: — Сяо Вэнь-ян!

ПУСТЬ ВАС не удивит необычный исход единоборства добра со злом на сцене. Старинные китайские оперные сюжеты нередко заканчивались печально. Это происходило не от мрачных наклонностей драматургов, а скорее от их желания не погрешить против истины. Злому куда чаще удавалось оседлать конька удачи, чем доброму. И если Сяо Вэнь-ян с такой горькой простотой умеет все это передать в сценических образах, то, вероятно, не в силу каких-то особенностей своего актерского дарования, а в силу верности жизненному опыту.

Судьба крестьянской девочки сложилась так, как складывались тысячи судеб в старом Китае. Бедность, доводящая до отчаяния. Засухи, чередующиеся с наводнениями. Рождение ребенка, которое воспринимается как несчастье.

Случилось непредвиденное — маленькая Вэнь-ян не умерла, как большинство ее сестер и братьев, а выжила. Ей исполнилось как раз пять лет, когда в базарный день в деревню забрел мелкий шанхайский торговец Чжан. Он сказал кому-то, что не прочь купить ребенка. Правда, сам он беден, много заплатить не может.

— Можете купить девочку у семьи Сяо, — посоветовали Чжану. — Иначе она все равно умрет с голоду. Так Вэнь-ян была продана пяти

лет от роду. Чжан развязал измятый платок и отсчитал старику Сяо пятьдесят юаней. Столько стоил пятилетний человек в старом Китае. Разворачивали платок, отсчитывали юани и забирали человека в собственность.

Чжан не был извергом. Он был не лучше и не хуже сотен других шанхайских лоточников, которые летом и весной бродили по окрестным деревням и сбывали убогий товар — несколько полотенец, несколько шваек, несколько зонтов. Чжан только одним отличался от своих собратьев — по вечерам он превращался из крикливого бродячего торговца в немилословного театрального билетера. Здесь, в полутемном и тесном фойе маленького театра, у дверей, ведущих в столь же тесный зрительный зал, в атмосфере бурных чувств галерки, в колеблющемся свете рампы начиналась вторая и главная жизнь Чжана. Он был театралом, и он готов был каждого обратить в свою веру, в том числе и пятилетнюю Вэнь-ян.

Когда девочке исполнилось десять лет, она уже умела немного петь и танцевать. Но тут в ее жизни произошло несчастье. Осенним утром умерла тетушка Чжан, а вскоре и ее муж. Вэнь-ян передали семье шанхайского гангстера Лю. Накинь огромного портового города, обезображенного международным селльменом, надменными фронтонами иностранных банков и дубинками иностранных полицейских, породила разновидность паразита, которого трудно назвать иначе, чем гангстер.

Гангстер Лю ухитрился иметь сразу три дна: он содержал небольшой оперный театр, главноствоял в шайке хулиганов, наводивших трепет на всю округу, и перекупал наркотики. К нему и попала десятилетняя Вэнь-ян. Когда надо было выполнять тяжелую работу, таскать воду, дрова, убирать нечистоты, звали Вэнь-ян. Когда в семье кто-нибудь заболел, тоже звали Вэнь-ян, чтобы бить ее смертным боем — кто-то должен был распахиваться перед духами за приход болезни. Ее доля рабыни не изменилась и тогда, когда Вэнь-ян послали на подмостки взамен сбежавшей от бесчеловечного обращения актрисы. Днем и вечером девочка пела и танцевала, ночью и утром работала на семью хозяина. Когда же она спала? Стоя, сидя, даже на сцене — где и когда придется. Как училась? Да попросту смотрела и слушала, запоминая манеру других актеров.

Один из них, актер Су, часто говорил своей ученице:

— Копи умение, пока у тебя гибкие кости и молодой голос.

Вэнь-ян «копила» каждую свободную минуту. Только было таких минут очень мало. Но в один прекрасный день оказалось, что у нее сколько угодно свободного времени. Лю выгнал ее из труппы, потому что театр перестал давать прибыль. Опять кто-то должен был распахиваться перед духами за неудачи хозяина. И, как всегда, первой платила Вэнь-ян.

Для нее начались годы скитаний. Сперва нанялась в театральный балаган на окраине Шанхая. Открытые подмостки на базарной площади. Когда идет дождь — на сцене тоже дождь. Когда палит солнце — на сцене пекло. Когда хозяин — гангстер рангом пониже, чем Лю, — веселится с приятелями, на сцену летят гнилые помидоры, отбросы сахарного тростника и камни. Когда ему хочется сорвать злобу, артистов просто бьют. Когда на гангстера находят благодушные, он устраивает себе очередной «день рождения». Это означает, что труппа должна преподне-

сти хозяину подарок. «Дни рождения» случались раз по десяти в год. И чтобы покупать подарки, актеры вынуждены были продавать с себя одежду.

— Жили впроголодь, — вспоминает Сяо Вэнь-ян, — а регистрировали нас наравне с проститутками.

НО УЖЕ тогда в сознание пробивалась мысль о необходимости бороться с этой полурабской жизнью. Нет-нет да и докатывалось до базарных подмостков эхо забастовок шанхайских докеров. Нет-нет да и поднимались со своих скамей зрители, кули и рикши, чтобы защитить артисток от оскорблений хулиганов. Актеры организовали нечто вроде кооператива. Складывали мизерную подлучку, какую удавалось вырвать у хозяина, и тратили на покупку риса. Это было время, когда зарождалась солидарность обездоленных. Но и она не сулила освобождения в колониальном Шанхае.

Небоскребы на улице Нанкин-роуд и прибрежном променаде — эти присоски международного селльмента — вытягивали из города жизненные силы без остатка. Вокруг селльмента не утихал вихрь несчастий. Этот вихрь захватил и Сяо. Она бежала из города в деревню, чтобы хоть как-то пробиться там в качестве мелкой лоточницы. До обеда бродила по дворам, торгуя нитками и спичками, после обеда — пела и танцевала в чайных. Лоток и искусство, жалкая действительность и вдохновенная фантастика оказались по соседству друг с другом. Так сплошь и рядом случалось в старом Китае. Ведь зло часто торжествовало над добром в прежние времена.

Народная революция навсегда с этим покончила. В ней воплотилась решительная и окончательная победа добра. Да еще такая победа, которая отразилась в жизни каждого китайца и китайки, в том числе и в жизни Сяо Вэнь-ян.

Она вернулась в Шанхай. Вместе с друзьями возродила театр «Хуан-пу» — театр так называемой хуайской оперы, демократичной, любимой простым народом, в которой впервые на театральных подмостки широким потоком хлынули сюжеты из жизни современного Китая. Конечно, не забыты были и древние оперы. Но Вэнь-ян стала играть не только золотых цикад, превращающихся в девушек и влюбляющихся в дровосеков, но и вполне реалистичных героинь, которым не нужна сказка, чтобы влюбиться.

КОНЕЧНО, ей приходилось трудно. Плохо умещались поначалу сочные и угловатые образы современников в условных рамках хуайской оперы. Зритель вполне серьезен, когда злодей с белым пятном изображает сценку из времен седой старины. Но он не удержал бы улыбки, если традиционная белая маска стала бы единственной особенностью отрицательного персонажа наших дней. То же самое относится и к манере двигаться по сцене, и к танцам, и к музыкальному сопровождению с ее неизменными барабанами и литаврами.

Сяо Вэнь-ян села за письменный стол. Ей не хотелось быть просто актрисой, которую успела полюбить публика. Она ступила на далеко не легкий путь исследователя, ищущего для этой публики новые образы, новые формы и новые сюжеты. Ведь и публика стала новой. За ее плечами — победоносная революция, трудности первых лет восстановления, а впереди — новостройки, покорение рек, переделка природы. Сяо углубилась в историю китайского искусства и начала осаду пухлых фолиан-

тов, переплетенных в свиную кожу. А такая осада не проста, если учесть, что китайскому искусству стукнуло добрых три тысячелетия.

Она занялась и изучением современного народного творчества. Встречалась с шанхайскими судостроителями и грузчиками, спорила с музыкантами и драматургами. Она нашла многих энтузиастов возрожденного театра, статистов и осветителей, режиссеров и исполнителей заглавных ролей. Появились и совсем юные последователи. Восемнадцатилетняя Хун Юэ-ся стала ее воспитанницей. И посмотрели бы вы, с какой убедительностью эта девушка танцует золотую цикаду, залетевшую в лес, чтобы оказаться в объятиях дровосека!

Рабочее помещение Сяо Вэнь-ян расположено в небольшом особняке. Новичок, переступающий его порог, сразу оказывается во власти звуков. На первом этаже усердно работают смычками музыканты, на втором — неистово притоптывают ногами танцоры, на третьем — гремят жестяными саблями участники театрального пьесника. Можно ли работать в таком шуме? Сяо утверждает, что привыкла к нему, как к гонору ветра, который напоминает о необъятных просторах степей, о горах и облаках. А разве не приятно думать о таких вещах? — улыбается она.

У нее немало и огорчений. Почти в каждом драматическом сюжете героиня несчастна. А нынешние молодые актеры не умеют как следует это показывать. Даже талантливая девушка Хун Юэ-ся неважно играет, когда надо изобразить страдания. Старые актеры делают это лучше. Впрочем, подобие огорчения, соглашается она, не так уж страшно...

Обо всем этом я узнал в тот вечер, когда в шанхайском театре «Хуан-пу» играла Сяо и когда по ходу старинной оперы благородство отсутствовало перед топором палача. Так было в сказке. Но сейчас, в огромной артистической уборной, где собрались почти все участники спектакля, ничто не напоминает о печальной развязке. Злодей с белым пятном на лице — само воплощение любезности. Свиристые саграны с тигровыми хвостами на шапках — знакомы силы и власти — мирно беседуют с режиссером. И с усталой улыбкой прощается со мной малиновая премошерша, знаменитая Сяо Вэнь-ян, та, что продала пяти лет от роду.

Н. ПОЛЯНОВ,
спец. корр. «Известий».



Известная китайская актриса Сяо Вэнь-ян (слева) и ее ученица Хун Юэ-ся. Фото автора.